

© 2000 г. Е.М. ВЕРЕЩАГИН, В.Г. КОСТОМАРОВ

РЕЧЕ-ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИТЧИ ПУШКИНА О БЛУДНОЙ ДОЧЕРИ*

В воспоминаниях П.И. Миллера о Пушкине имеется запись: «Вскоре по выходе повестей Белкина [середина октября 1831 г.] я на минуту зашел к Александру Сергеевичу; они лежали у него на столе. Я и не подозревал, что автор их – он сам. – “Какие это повести? И кто этот Белкин?” – спросил я, заглядывая в книгу. – “Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно”» (цит. по [Вересаев 1984: 278]).

“Станционный смотритель” из “Повестей Белкина”, безусловно, отвечает критериям простоты и краткости. Вероятно, он отвечает и критерию буквальности: Дуня Вырина сбежала с ротмистром Минским; Самсон Вырин, покинутый отец, пытался вернуть ее домой, но безуспешно; старик начинает заливать свое горе и умирает; Дуня, захав в родные места, уже не застает отца в живых.

Но всё же что стоит за сюжетом? Неужели простодушно рассказан единичный казус – и на этом всё? Консенсус исследователей является ответом: почти все писавшие о “Смотрителе” пытались распознать в истории Авдотьи Самсоновны и ее несчастного отца нечто большее, чем поверхностный смысл¹. Вырин, конечно, “спился”, но умер-то он, вероятно, всё-таки не от “русской болезни”.

Ниже предпринята попытка применить к тексту повести Пушкина исследовательский аппарат двух концепций – той разновидности концепции текстовых жанров, которая известна под именем Textsortenlehre², и концепции рече-поведенческих тактик.

Таким образом, ряд уже имеющихся догадок о том, что “хотел сказать” Пушкин, переиначив Притчу о блудном сыне, будет пополнен.

Исследование состоит из пяти разделов. В разделе I подытоживаются основные результаты исследований наших предшественников, посвященные “Смотрителю”. В разделе II представлены оценочные рече-поведенческие тактики (далее сокращенно: РП-тактики)³ шести персонажей повести (Вырина, Минского, хмельного ямщика, лекаря-немца, “пивоваровой жены” и “мальчишки” Ваньки). Раздел III имеет пропедевтический характер: в нем рассматривается специфика притчи как Textsorte, содержащего поведенческую парадигму, и затем вводится понятие абстинативной (“воз-

* Расширенная версия доклада на юбилейной научной конференции “Пушкин и наш язык”, проведенной Научным советом “Русский язык” РАН (19–20 октября 1999 г., Москва). Исследование проведено во исполнение проекта “Язык и культура. Лингвострановедческая концепция коммуникации”, поддержанного РФФИ (грант № 99-06-80315).

¹ Художественное произведение высоких достоинств отличается множественностью разноуровневых смыслов. В “Смотрителе” можно увидеть и занимательный, авантюрный сюжет, и любовную линию, и психологическую драму, и бытописание, и социальный подтекст и т.д.

² Изложение концепции см., например, [Hinck (Hrsg.) 1977].

³ Предпочитаем написание сложного прилагательного через дефис: оно образовано стяжением не атрибутивного термина: *речевое поведение*, а сочинительного: *речь и поведение*.

держательной”) рече-поведенческой тактики. В разделе IV исследуются абстинентивные РП-тактики, которых придерживалась Авдотья Самсоновна, причем на фоне поведенческой парадигмы Притчи о блудном сыне. Эта Притча формировала нормативные ожидания современной Пушкину читающей публики. Здесь же излагается наша точка зрения на замысел Пушкина, который, как мы думаем, перевел этический вектор Притчи из сферы ветхозаветного Закона в область новозаветной Благодати. Наконец, в разделе V кратко рассматривается психологический процесс покаяния в свете возможного отношения Притчи к жизненной судьбе самого поэта.

Все наши соображения – дискуссионны, и прежде всего мы не настаиваем на доводах, изложенных в пятом разделе.

I

Многочисленные исследования, посвященные “Станционному зрителю”, распадаются на два направления. Первое – это реконструкция литературной истории и повести, а второе – выяснение авторского замысла.

Мы не ставим перед собой задачи дать и с черпы в а ю щ и й обзор концепций, представляющих первое направление. Важно продемонстрировать несколько характерных подходов, чтобы стало ясно, в каком направлении движется мысль исследователей.

Так, В.Н. Турбин привел – отчасти вслед за своими предшественниками – длинный ряд остроумных сближений пушкинского “Станционного зрителя” с нравоучительной одноименной повестью второстепенного писателя В.И. Карлгофа⁴ и с эпизодом на почтовой станции из популярного в 1829–1830 гг. романа Ф.В. Булгарина “Иван Выжигин”⁵. Ученый убедительно показал: Пушкин форсировал содержащиеся в них мотивы (причем внятным для читающей публики 30-х гг. образом). “И непутевый гусар, поступивший праведно; и бредущий пешком в Петербург паломник-отец; и отвернувшаяся от него дочь; и конечное успокоение – все становится очень жизненным именно потому, что повесть сплошь пронизана литературными реминисценциями” [Турбин 1978: 79]. Соответственно главная задача анализа, по Турбину, состоит в том, чтобы “взглянуть на Пушкина археологически” [Там же: 8].

Аналогичные поиски литературных произведений, – в том числе зарубежных, – которые могли повлиять на творчество Пушкина, наблюдаем и у других многочисленных пушкинистов.

Ср. характерные суждения: «“Станционный зритель” Пушкина непонятен вне широкой историко-литературной перспективы, вне Бомарше, Лессинга, Шиллера, вне “Бедной Лизы” Карамзина, с которой в тексте его есть даже любопытные, почти буквальные совпадения» [Гиппиус 1966: 18–19]; «Повесть “Станционный зритель” является примером развития и преобразования Пушкиным художественных достижений лучшей повести Карамзина “Бедная Лиза”» [Богомолец 1960: 104]. Е.Н. Купреянова показала, что “картинки” в “Станционном зрителе” заимствованы в повесть из хроники Шекспира “Генрих IV”

⁴ Генерал-майор Вильгельм Иванович Карлгоф (1796–1841), писатель и переводчик, входил в круг петербургских знакомых Пушкина. См.: [Черейский 1989: 184–185]. Повесть “Станционный зритель” Карлгофа была опубликована в журнале “Славянин” в 1827 г. (№ VII) и отдельной книгой вышла в свет в 1832 г. – Общий вывод В.Н. Турбина применительно к повести Карлгофа таков: «“Станционный зритель” Пушкина – негативное отражение повести В. Карлгофа» [Турбин 1978: 70]; «Можно предположить, что Пушкин отвечает Карлгофу с истинно немецким педантизмом. Что он сделал достаточно точный филологический анализ, так сказать, “Станционного зрителя” № 1; рассмотрел его и ничего не просмотрел» [Там же: 77].

⁵ Пушкин был отлично знаком с романом “Иван Выжигин”, имевшим большой издательский успех. За подписью “Феофилакт Косичкин” он опубликовал разбор “Ивана Выжигина” и даже содержание “существующего” романа-памфлета “Настоящий Выжигин”.

[Купреянова 1981: 289]. Д.М. Шарыпкин вскрыл близость “Станционного смотрителя” к “нравоучительной повести” Ж.-Ф. Мармонтеля “Лоретта” и даже посчитал ее “основным литературным источником” Пушкина [Шарыпкин 1978: 127–136]. Г.М. Фридлендер указывает на стихотворение П.А. Вяземского “Станция”, из которого взят эпиграф к Пушкинской повести и которое, по его мнению, имеет принципиальное значение для генезиса “Станционного смотрителя” [Фридлендер 1983: 170–173]. М.В. Разумовская исследовала переключки между повестью Пушкина и “Историей одной деревенской девушки” аббата А.Ф. Прево, а также романом “Векфилдский священник” О. Голдсмита [Разумовская 1986].

Как уже было сказано, имеются и другие исследования по теме. Разброс точек зрения довольно велик.

Что же касается второго направления исследований (выяснение того, “что хотел сказать автор”), то и здесь разногласия велика. Объединяет исследовательский поиск нацеленность на выяснение неочевидных причин трагедии. Сам Пушкин своей точки зрения не заявил и, откровенно говоря, загадал загадку⁶.

Прямая причина гибели Самсона Вырина очевидна: получив “убийственное известие” о бегстве Дуни с гусаром, старый смотритель “не снес своего несчастья”, “занемог сильной горячкой” и в конце концов, говоря словами “жены пивоваровой”, “спился” и “помер”.

Но все же кто виноват в смерти станционного смотрителя? Ни ротмистр Минский, ни Авдотья Касонова, как представляется, не суть исчадия ада. Может быть, тогда виноват сам Вырин? Или безликая социальная среда? (Такой ответ еще лет десять назад был всегда наготове.) Или судьба, которая, как известно, слепа и – “пусть неудачник плачет”?

Ответы ученых на вопрос весьма разошлись между собой. Опять-таки не ставя перед собой задачу исчерпательности, рассмотрим несколько характерных концепций.

М.О. Гершензон считает, что подлинным виновником гибели Самсона Вырина являются... картинки, украшавшие “его смиренную, но опрятную обитель”. (Картинки, как известно, иллюстрировали притчу о блудном сыне.) “Дуня, бежав с Минским, вышла на путь своего счастья; Минский действительно любит ее, и она – его, они венчаются, она счастлива, богата, все пошло как нельзя лучше; если бы ложная идея не застилала глаза смотрителю, (...) он был бы счастлив счастьем Дуни”. Но ложная идея поработила его себе, ибо “смотритель непоколебимо убежден, что в немецких картинах изображена универсальная истина, что офицер, сманивший Дуню, несомненно, поиграет ею и бросит, –

⁶ Ср. хороший образ: “Станционный смотритель” похож «на те загадочные картинки для детей, когда нарисован лес, а под ним напечатано: “где тигр?”. Очертания ветвей образуют фигуру тигра; однажды разглядев ее, потом видишь ее уже сразу и дивисься, как другие не видят» [Гершензон 1919: 122]. Любое сравнение хромает, и вопреки Гершензону хотелось бы заметить: на реальной загадочной картинке художник действительно изобразил тигра; Пушкин же нарисовал “лес” и, может быть, даже дал задание отыскать в нем “тигра”, но “тигра”-то и не изобразил. Поэтому исследователь А видит полосатую кошку в одной комбинации ветвей, а исследователь Б – в другой. Обычно – и это психологически понятно – ученые склонны абсолютизировать “свои” абрисы; вот и Гершензону представляется, что он безусловно разгадал загадку (“Идея нисколько не спрятана, – напротив, она вся налицо, так что всякий может ее видеть; и однако все видят только лес”). Ученый не допускает мысли, что вследствие сознательной недоговоренности Пушкинское повествование может по праву иметь множественные интерпретации.

⁷ «Стенные картинки о блудном сыне были в 20–40 годах, по-видимому, частой принадлежностью станционной обстановки; может быть, какой-нибудь немецкий коммивояжер развозил по русским почтовым станциям это произведение немецкой художественной промышленности. Гр. В.А. Соллогуб в “Тарантасе” описывает комнату на почтовой станции: “Между окон красуются изображения Малек-Аделя на разъяренном коне, возвращение блудного сына, портрет графа Платова” и т.д.» [Гершензон 1919: 123; выделено автором].

и потому он не видит вещей, впадает в отчаяние и спивается". «Станционного зрителя сгубила ходячая мораль; сама призрак, ничто, она совершенно реально высасывает кровь из людей; ее тирания – вот мысль, выраженная Пушкиным в "Станционном зрителе"» [Гершензон 1919: 126–127].

Отчасти соглашаясь и отчасти полемизируя с Гершензоном, Н.Я. Берковский отводит от Дуни подозрение в том, что именно она, согласившись ехать с Минском "по своей воле", явилась причиной гибели отца. Виновником гибели Вырина ученый считает социальные условия сословной России. Отталкиваясь от картинок о блудном сыне, Берковский размышляет: "Блудный сын у Пушкина ушел не от отцовского богатства – он бежал от бедности. Вернуться новому блудному сыну некуда – у зрителя нет тучного тельца, которого он мог бы заколоть"; «"Немецкая" мораль сводится к верности тому, что есть, к неисканию лучшего. Пушкин на стороне искания»; "Ее (Дуни) поступок, ее бегство – необходимость, долг перед собой. Она ушла от узости жизни (...). Дуня хочет вырваться в большую жизнь. (...) Пушкин, не колеблясь, отпускает свою героиню в большой мир"; "Пушкин за большой мир, за ломку в судьбе своей героини, но тот мир, в который она вошла, потому и сомнителен, что он принял дочь и никогда не примет отца" [Берковский 1985: 86–88].

Возражая Берковскому, Р. Поддубная, напротив, отрицает любые социальные причины и считает виновными в трагедии как Минского, так и Дуню. "Человеческое доверие Вырина обмануто и попрано Минским. (...) Он предлагает деньги как эквивалент этических ценностей" [Поддубная 1980: 19]. «Увидев отца в своей петербургской квартире, она (Дуня) не бросилась к нему, а упала в обморок. От стыда? от жалости? от сознания своей вины? Скорее всё-таки от страха, что будет нарушено ее счастье. Для нее вторжение отца так же непрощенно и нежеланно, как и для ее возлюбленного. В столкновении Вырин – Дуня нет социальных оснований, только нравственные. В нем с одной стороны – со стороны "блудной дочери" – достижение собственного счастья за счет обманутого доверия и страданий другого человека. Такое разрешение нравственной коллизии прямо противоположно тому, которое чуть позднее предложил Пушкин в финальной коллизии "Евгения Онегина" (...). Однако Дуня – не Татьяна. (...) Дуня разрешила свой нравственный долг подобно Минскому: дала попу денег и Ваньке пятачок серебром (...); правда, еще на могиле отца поплакала» [Там же: 19].

По мнению Н.Н. Петруниной, станционный зритель считает истинным виновником случившегося – самого себя (поскольку он не сумел ни предвидеть бегства, ни привести домой "заблудшую овечку" свою). «Он (Вырин) не в силах повлиять на ход событий, но прежде чем склониться перед судьбой, пытается повернуть историю вспять, спасти Дуню от того, что представляется бедному отцу гибелью его "дитяти". Герой осмысляет происшедшее и – более того – сходит в могилу от бессильного сознания собственной вины и непоправимости беды» [Петрунина 1987: 107]⁸. Впрочем, исследовательница не снимает вины и с Дуни: «Мы не знаем, чем обернулся для нее самой (Дуни) выбор, сделанный однажды без особого раздумья, быть может – "по ветрености молодых лет". Ведомо нам одно: та цена, которую уплатил старый зритель за бездумно эгоистический молодой порыв своего дитяти. (...) И что известно читателю наверное, ни радости, ни горе не заглушили в душе "прекрасной барыни" сознания дочерней ее вины» [Там же: 107].

Примерно такова же точка зрения М.Г. Бройде: «Дуне выпало испытание богатством. И испытания этого она не выдержала. (...) Завороженная признаниями и посулами гусара (...), Дуня, вероятно, перестала плакать, еще не въехав в Петербург. А там для нее начались радости любви и не изведанная ранее обеспеченная, беззаботная жизнь. Не мудрено, что она так быстро "отвыкла от прежнего своего состояния". Отвыкла она и от отца, точнее – захотела отвыкнуть. (...) Дуня не могла более любить своего отца – олицетворение

⁸ К мнению о виновности старого зрителя фактически примыкает также Г.П. Макагоненко: по его словам, "смирение, как показывает Пушкин, унижает человека, делает жизнь бессмысленной, вытраивает из души гордость, достоинство, независимость, превращает человека в добровольного раба, в покорную ударам судьбы жертву" [Макагоненко 1974: 148].

содянного ею зла» [Бройде 1999: 113–114]. М.Г. Бройде отказывает Дуне и в загробном примирении с отцом: она не специально приехала испросить прощения, а просто “проезжала”; кроме того, “оплакивать мертвых легче, чем жалеть живых: мертвым много не надо, в любви к живым приходится жертвовать многим” [Там же: 114–115].

Такова разногласия в ответах на вопрос “Отчего умер Самсон Вырин?”.

Попытаемся влести в нее и собственный голос, тем более что лингвисты, как кажется, в дискуссии не участвовали⁹. Между тем лингвистический подход способен дать свои результаты, принципиально отличные от тех, которые достигаются в традиционном литературоведческом анализе.

II

Итак, посмотрим на коллизию глазами лингвиста.

Хотелось бы применить к конкретному художественному произведению методику исчисления рече-поведенческих тактик¹⁰, развиваемую нами на протяжении ряда лет¹¹. Наиболее обстоятельной является публикация [Верещагин, Костомаров 1999]. Указанная методика, хотя и не может быть полностью объективной, все же значительно сокращает объем субъективных суждений исследователя.

С помощью этой методики мы, в частности, специально исследовали проблему деликта (вины любого рода) и его изживания¹², которая, как было показано выше, является центральной для выявления замысла Пушкина. Ниже речь пойдет о распространении на новый материал уже полученных и отчасти опубликованных результатов¹³.

⁹ Обращение к Пушкинской тематике не является для соавторов случайным; см.: [Верещагин 1987; Верещагин 1988; Верещагин, Костомаров 1988б; Верещагин 1992; Костомаров 1999].

¹⁰ В близком значении Н.Д. Арутюнова использует термин *речеповеденческий акт* [Арутюнова 1998: 643 и сл.].

¹¹ Первые попытки авторов совместно разработать лингвистический инструментарий для объективации духовной культуры восходят к началу 70-х гг., когда вышло в свет первое издание монографии “Язык и культура” [Верещагин, Костомаров 1973]. В развернутом виде концепция рече-поведенческих тактик впервые описана нами в статье [Верещагин, Костомаров 1988а: 54–61] и затем в 4-м издании указанной монографии [Верещагин, Костомаров 1990: 218–226]. За истекшее время методом РП-тактик были проанализированы рече-поведенческие ситуации: актуальные (утешения [Верещагин, Костомаров 1990: 218–223]; советования [Верещагин, Костомаров 1990: 228–230]; угрозы [Верещагин 1990: 26–32]; призыва к откровенности [Верещагин 1991: 32–43], в том числе в сопоставительном аспекте [Верещагин и др. 1992: 82–93]; отношения к деньгам [Верещагин 1997: 223–233]; обвинения и оправдания [Верещагин, Костомаров 1999]) и пережиточные (обличения светского властителя иерархом [Верещагин 1995], жизни в миру-общине [Верещагин, Костомаров 1990: 223–226], поведения в очередях [Верещагин 1996: 15–26]). На материале художественной литературы мы рассматривали также и рече-поведенческую ситуацию извинения [Верещагин, Костомаров 1990: 136–140].

¹² Специально культуре деликта посвящена брошюра [Верещагин, Костомаров 1999]. Имеется в виду культура вины, греха и их изживания (т.е. *проступка, преступления, падения* [но также *невиновности, праведности и святости*]; *обвинения, обличения, разоблачения* [но также *наговора и очернения*]; *сожаления, раскаяния, покаяния* [но также *нераскаянности и коснения во зле*]; *извинения, прощения, исповеди* [но также *непримиримости и злопамятности*]; *наказания, страдания, искупления* [но также *ропота и возмущения*]; *жалобы, печалования* и т.д.). Культура деликта находит свое отражение во множестве рече-поведенческих тактик.

¹³ Полная публикация предстоит в подготавливаемой монографии (имеется в виду 5-е издание “Языка и культуры”).

Ограничимся сейчас самой краткой, но достаточно общей информацией.

Понятие РП-тактики, противопоставляемое понятию РП-стратегии, определяется через смежные понятия типичной рече-поведенческой ситуации¹⁴ и перлокутивной цели. РП-тактика – это (в границах определенной рече-поведенческой ситуации) однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта. Реализуя одну тактику, говорящий как бы ступает шаг за шагом: он выполняет ряд рече-поведенческих актов, и их сумма, при благоприятном исходе, приводит к успеху. Если же одна конкретная тактика unsuccessful, то применяется вторая, затем третья, четвертая и т.д., потом может иметь место возврат к первой и т.д. Скомбинировав несколько РП-тактик, коммуникант-1 добивается изменений в информированности, эмоциональном состоянии, взглядах и оценках коммуниканта-2 и влияет на его поведение.

Важно заметить, что РП-тактика вычленяется по признаку одного-единственного смысла. Представляя собой конденсированный интегральный смысл-интенцию, РП-тактика сама по себе, т.е. на глубинном уровне, – это *sensus purus*, но на поверхностном уровне она реализуется в вербальных (речевых) и невербальных (поведенческих) актах или, чаще, в их комбинации.

Как правило, РП-тактики социальные, т.е. свойственны всем носителям языка и культуры. На этом их качестве и покоится гипотеза, побудившая нас привлечь методику исчислений РП-тактик к индивидуальному художественному тексту. Если писатель заставляет своих персонажей говорить и действовать в согласии с социальными РП-тактиками, то это означает, что хотя бы часть смыслов индивидуального художественного текста оказывается общенародной и, следовательно, допускает строгую объективацию.

Во избежание терминологической путаницы хотелось бы подчеркнуть, что термин *социальность* (и *социальный*) используется нами в одном-единственном значении, а именно: **массовая распространенность определенной РП-тактики в среде носителей языка и культуры**. *Социальность*, в таком понимании, – это *общенародность*. *Социальная* РП-тактика противопоставляется у нас, с одной стороны, *групповой* (*сословной*, *классовой*, *конфессиональной* и т.д.) и, с другой, *индивидуальной*.

Художественные тексты новейшего времени покоятся на намеренной недосказанности, и читатель как бы приглашается в соавторы, – ибо писатель оставляет поле для домыслов.

Пушкин – наш современник, и социальные РП-тактики, к которым прибегают его персонажи, да и он сам, в своем большинстве не устарели, не утратили своей массовой распространенности и остаются внятыми русским людям рубежа XX и XXI веков.

Семь действующих лиц “Станционного смотрителя” – Вырин, Дуня, Минский, хмельной ямщик, лекарь-немец, “пивоварова жена” и “мальчишка” Ванька – так или иначе выражают свое отношение к теме вины-деликта, приведшей к трагедии. Авдотья Самсоновна, правда, после бегства не произносит в повести ни слова и вплоть до своего возвращения на станцию*** не совершает ни одного поступка, но тем не менее, как будет видно (см. раздел IV), и к ней может быть приложена методика РП-тактик. Восьмой персонаж, присутствующий в повести, – рассказчик (“титularный советник А.Г.Н.”) – оценочных суждений не высказывает, а поступки от него и не могут ожидать.

¹⁴ Типичной РП-ситуацией можно назвать регулярно повторяющийся (итеративный) “фрагмент социальной жизни”: приветствие, просьбу, благодарность, призыв к откровенности, ритуал обсуждения цены при частной покупке, соболезнование, недовольство, плохое самочувствие, говорение комплиментов, демонстрацию дружелюбия (или враждебности), ухаживание, энтузиазм (или сдержанность), приглашение, советование, запрещение (или разрешение) и т.д. Если придерживаться единого критерия при отграничении типичных ситуаций, то их список окажется исчислимым.

Итак, исследуем, как персонажи повести отвечают на вопрос “Кто виноват и в чем именно?”. РП-тактик выявилось много, и соответственно, ради экономии места, мы не можем подтверждать социальную природу (т.е. характерность для языка и культуры) каждой из них. По этой причине ограничимся демонстрацией их социальности только в пунктах 1–3 непосредственно следующего далее исчисления под шапкой “Смотритель”. По части, конечно, можно судить о всем целом.

Подтверждающие социальность РП-тактик речения набраны петитом. О том, как читать исчисления, сказано в сноске¹⁵.

Смотритель

1. **обвиняет свое злосчастье:** “Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать”¹⁶.

Социальность, т.е. представленность этой РП-тактики в среде носителей русского языка и культуры, видна в том, что она актуальна и до сих пор¹⁷; данная РП-тактика реализуется в ряде узуальных (клишированных и полуклишированных) фраз: *Так уж, видно, на роду написано.; Чему быть, того не миновать.; Кому быть повешену, тот не утонет.; От судьбы не уйдешь.; Выше головы не прыгнешь.; Ничего не поделаешь!; Ничего не попишешь!; Такая судьба (панида)!; Что написано на роду, то и будет.* (и т.д.). За приведенными речениями¹⁸, включая пословицу в устах Вырина, кроется единственный смысл: *в беде виновата судьба.*

¹⁵ Итог исчисления грамматически построен как фраза, фрагменты которой, называющие группу однородных РП-тактик, набраны **полужирным шрифтом**, а фрагменты, называющие сами тактики, – набраны *курсивом*. Так, результат следующего в основном тексте статьи первого исчисления прочитывается следующим образом:

Смотритель

1. **обвиняет свое злосчастье;**

2. **обвиняет самого себя**, потому что –

- *сам зашел в западню,*
- *не проявил осторожности (и)*
- *оказался глуп;*

3. **смягчает вину Дуни** (отчасти извиняет ее) –

- *ссылкой на свойственную молодости неопытность (и)*
- *упоминанием о том, что деликт совершен с сознанием его греховности;*

4. **обвиняет Дуню –**

- *в глупости,*
- *недальновидности,*
- *сознательном нарушении долга (и)*
- *нераскаянности (и т.д. по аналогии).*

¹⁶ Здесь подспудно – и пронзительно! – звучит мотив Иова Многострадального (“Господь дал, Господь и взял” [Иов 1:21]).

¹⁷ Здесь и повсюду далее речевые реализации, объективирующие определенную современную РП-тактику, даются как перечисление узуальных фраз. Эти фразы печатаются петитом и отделяются друг от друга точкой с запятой. Перед точкой с запятой, в конце речения, ставится тот знак препинания, который необходим (это могут быть восклицательный и вопросительный знаки, а также точка и многоточие). Речения, взятые из картотеки авторов, набираются курсивом; цитаты из художественных произведений напечатаны прямым шрифтом и закавычены.

¹⁸ Речение является клишированным, если оно целиком воспроизводится по памяти. Обычно это пословицы, поговорки, итеративные реплики: *Свет не без добрых людей.; До свадьбы заживет!; Дай подую! или Дай поглажу!* (так говорят ушибшемуся ребенку). Речение является полуклишированным, если оно содержит клише (в том числе устойчивое словосочетание) в каком-либо своем фрагменте (*Сам увидишь: свет не без добрых людей*) или состоит из преобразованного клише (*До свадьбы далеко – заживет сто раз*). Узуальные речения, допуская свободное варьирование, обычно бывают полуклишированными. Узуальное речение отвечает оценке “так говорят (имеется в виду: в данной ситуации)”.

2. обвиняет самого себя, потому что –

• *сам зашел в западню*: “Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром (...)”; «Дуня стояла в недоумении... “Чего же ты боишься? – сказал ей отец, – ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви”»;

И кто толкал меня в ту подворотню! Сам сунулся.; Промолчать – так нет, полез с советами.; Знал, что опасно, и всё-таки рискнул! Вот и результат.; Я сам шел навстречу своей гибели (и т.д.). Сергей Русанов рассказывает, как он потерял Веру Лагутину: “И можно ль поверить нелепости? Михаила (...) я сам подговорил ехать на торжественный бал (...). Глупец! Как было мне не понять, что если сам я им столь зачарован, то как избежать этих чар существу, которому по самой его природе надлежит был плененным силой и мужеством?” (О. Форш, *Одеты камнем*).

• *не проявил осторожности*: “Бедный смотритель не понимал, (...) как нашло на него ослепление (...)”;

Все чуяли беду, один я ничего не замечал; И что бы мне не посмотреть сначала?; С открытыми глазами ничего не видел.; Нашло какое-то затмение, настоящий black-out (и т.д.). “Шелк шелку ведь розь. / Да понадеялся он на русский авось” (Пушкин, *Сказка о Балде*).

• *оказался глуп*: “Бедный смотритель не понимал, (...) что тогда было с его разумом”;

И на старуху бывает проруха; Мне и в голову не пришло, что заманивают.; Как не надо – умен, а тут дурак дураком оказался.; Пораскинуть бы умишком, а потом и соглашаться!; Русский человек задним умом крепок (и т.д.). “Глупый ты бес, / Куда же ты за нами полез?” (Пушкин, *Сказка о Балде*).

3. смягчает вину Дуни (отчасти извиняет ее) –

• *ссылкой на свойственную молодости неопытность*: “Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать”;

Что с него взять? Молодо-зелено, погулять велено; Шестнадцати еще нет: ветер в голове свистит/гуляет; Молод – исправлюсь.; Напроказил по молодости (и т.д.). “Ты мог бы, пленник, обмануть / Мою неопытную младость” (Пушкин, *Кавказский пленник*).

• *упоминанием о том, что деликт совершен с сознанием его греховности*: “Дуня стояла в недоумении.”; “Ямщик, который вез его (Минского), сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала (...)”.

Соврет – и не задумается.; Поначалу отказывался, но всё же пошел на дело.; Давай по рукам! Чего жмешься?; Не сомневайся – ничего тебе не будет!; Выпей, и забудешь думать! (и т.п.). “Но так и быть: я сам себе / Противиться не в силах боле; / Все решено: я в вашей

РП-тактики, впрочем, не обязательно являются клишированными; важно, что они отсылают к какому-либо прецедентному тексту (дискурсу, знанию, событию, факту), являясь его “сверткой” или просто символом. Их можно мотивированно назвать *логоэпистемами* (λόγος “слово” и ἐπιστήμη “знание”; таким образом, итоговый смысл термина: “знание, хранимое в единице языка”). Логоэпистемы несводимы к известным лингвистическим категориям: это не слово или словосочетание, не фразеологизм или клише, не метафора или аллегория и т.д.; это знание, «несомое словом как таковым – его скрытой “внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [Костомаров, Бурвикова 1997: 17]. Логоэпистемы в принципе подобны Янусу: они принадлежат и языку, и культуре; их “можно назвать символами чего-то, стоящего за ними, сигналами, заставляющими вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст” [Костомаров, Бурвикова 1999а: 69–76]. См. также [Костомаров, Бурвикова 1999б].

воле, / И предаюсь моей судьбе" (Пушкин, Евгений Онегин, гл. VIII: Письмо Онегина к Татьяне). "Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто" (Пушкин, Метель).

4. обвиняет Дуню –

- в глупости: "Много их в Петербурге, молоденьких дур (...);"
- в недальновидности: "Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге (...) сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу, вместе с голью кабацкою";
- в сознательном нарушении долга: "Авось, – думал смотритель, – приведу я домой заблудшую овечку мою". *Заблудившийся* – это сошедший с истинного пути помимо своей воли, а *заблудший* – это *соблудивший*, сошедший с прямой дороги самовольно. В том, что Дуня не была похищена насильственно, смотритель не мог сомневаться, – ямщик сказал ему определенно, что Дуня "ехала по своей охоте";
- в нераскаянности: "Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы".

Виновность дочери настолько тяготит смотрителя, что он прибегает к РП-тактике уклонения от тяжелого разговора: «"Здорова ли твоя Дуня?" – продолжал я. Старик нахмурился¹⁹. "А Бог ее знает", – отвечал он. "Так, видно, она замужем?" – сказал я²⁰. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса и продолжал шепотом читать мою дорожную. Я прекратил свои вопросы²¹».

5. обвиняет Минского в том, что он –

- притворщик: «...он (Вырин) тут же слез в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная»;
- похититель чужого: «Ваше высокоблагородие! (...) Что с возу упало, то пропало»;
- сластолюбец: «Ведь вы натепшились ею»;
- душегуб: «Не погубите же ее понапрасну»;
- подлежит судебному или административному преследованию: «Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить». Вырин явно считает, что основания для жалобы по начальству есть, иначе он просто не стал бы и думать. Отступает он только потому, что не верит в возможность добиться правды»;
- низкий человек, желающий откупиться. После разговора с Минским смотритель у себя за обшлагом обнаруживает деньги: «Слезы опять навернулись на глаза его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком, и пошел». Перед нами знаковое поведение: не просто выбрасывают, а втаптывают в грязь предмет, вызывающий ненависть и презрение. Хотя через какое-то время Вырин одумался и хотел было подобрать ассигнации (да было уже поздно!), он совсем не похож на Мельника, отца еще одной блудной дочери (из незаконченной Пушкинской драмы «Русалка»), который готов удовлетвориться отступным²².

¹⁹ = ему неприятен вопрос.

²⁰ Рассказчик высказывает правдоподобную догадку: Дуня, выйдя замуж, укатила далеко, так что ежедневные контакты между отцом и дочерью прекратились, – отсюда он не знает, здорова ли Дуня "сейчас". Рассказчик сделал вид, будто не понял реплики "А Бог ее знает!" (= "не знаю и знать не хочу").

²¹ = Вырин добился своего.

²² ...ба, ба, ба! какая

Повязка! вся в камнях дорогих!

Так и горит! и бусы!.. Ну, скажу:

Подарок царский. Ах он благодетель!

А это что? мошонка! уж не деньги ль?

Отметим, что в разговоре с Минским смотритель не столько *обвиняет* ротмистра, сколько *упрашивает* его. Вырин прибегает к следующим элицитивным²³ тактикам:

- *увещевание с апелляцией к Богу*: «...он (Самсон Вырин) дрожащим голосом произнес только: "Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!";
- *осознание невозможности вернуться к доделиктному состоянию*: "Ваше высокоблагородие! – продолжал старик, – что с возу упало, то пропало...»;
- *согласие на хотя бы частичное восстановление доделиктного состояния*: «...отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню».

Ротмистровы тактики *отказа* таковы:

- он не замышляет зла: «...не думай, чтоб я Дуню мог покинуть»;
- объективно лучше не исполнить просьбы: «...она (Дуня) будет счастлива»;
- исполнение просьбы не принесет пользы просителю: «Затем она тебе?»;
- отказ совершается в интересах третьего лица: «Она меня любит, она отвыкла от прежнего своего состояния»;
- в перспективе исполнение просьбы обернется бедой: «Ни ты, ни она – вы не забудете того, что случилось».

Хочется отметить, что противоположно направленные РП-тактики (например, упрашивания и отказа) отнюдь не нарушают Принцип Кооперации Грайса [Грайс 1985: 222 и сл.]. Действительно, в дискурсе соблюдаются все вытекающие из Принципа постулаты – например, истинности и релевантности (связности речи). Что же касается эстетических, социальных и моральных постулатов, то сам Грайс отмечал, что они релятивны и меняются на противоположные в зависимости от обстоятельств.

На этом заканчивается рассмотрение РП-тактик выявления деликта и оправдания, к которым прибегнул бедный отец блудной дочери. На очереди – следующие персонажи повести.

Ротмистр Минский

1. обвиняет самого себя –

- *эксплицитно признав свою вину*: «...виноват перед тобою...»;
- *понимая, что явился причиной несчастья*: «Что сделано, того не воротишь, – сказал молодой человек». Вина, правда, не названа, а всего лишь имплицитно: действительно, за определенным счастливым состоянием Х наступило бедственное состояние Y (из которого уже нет пути назад); егго, человек, разрушивший состояние X и вызвавший состояние Y, – виновен, а если состояние Y оказалась необратимым, то он сугубо виновен;
- *испытывая чувство стыда*: «...сказал молодой человек в крайнем замешательстве»; (при виде Вырина) «Минский {...} вспыхнул». Поскольку Минскому стыдно, он отказывается от дальнейших встреч со зрителем: «...дни через два воротился он (Вырин) к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос»;
- *но одновременно считая свою вину извинительной*: «...и рад просить у тебя прощения...»;
- *потому что берет на себя благородные обязательства*: «...даю тебе честное слово»;
- *потому что прибегает к компенсации*: «Потом, сунув ему что-то за рукав, он (Минский) отворил дверь».

2. обвиняет зрителя (заведомо ложно²⁴) –

- *в том, что тот преследует Минского*: «Чего тебе надобно? – сказал он (Минский) ему, стиснув зубы, – что ты за мною всюду крадешься {...}?»;

²³ Упрашивание состоит из элицитивных речевых актов, а его перлокутивная цель заключается в стимулировании некоторого поведения адресата.

²⁴ Т.е. Минский сам понимает, что его обвинения – ложны.

- *способен его ограбить*: «...крадешься, как разбойник?»;
- *желает лишить его жизни*: «...или хочешь меня зарезать?».

Заведомо абсурдные обвинения-напраслина (в них извращаются внутренние мотивы внешнего поведения облыжно обвиненного), как обычно бывает, служат цели затушевать собственное замешательство и хотя бы для вида сделать виноватым того, перед которым очернитель сам виноват. Эта напраслина позволила Минскому «задрожать от гнева»: «... "Пошел вон!" – и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу».

Лекарь

обвиняет Минского –

- *в притворстве*: «Он (лекарь) уверил зрителя, что молодой человек был совсем здоров (...)»;
- *в злом умысле*: «...уверил зрителя, что (...) тогда еще догадывался он о его злобном намерении»;
- *в готовности к рукоприкладству*: «...догадывался о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки».

Хмельной ямщик –

1. **возлагает вину на Дуню** (а не на гусара), потому что она

- *действовала по своей воле*: «Наконец, к вечеру приехал он (ямщик) (...) с убийственным известием: "Дуня с той станции отправилась далее с гусаром"»; «Ямщик (...)» сказывал, что (...) Дуня (...) ехала по своей охоте».

2. **смягчает вину Дуни**, так как она

- *горевала*: «Ямщик (...)» сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала».

«Жена пивоварова» –

обвиняет зрителя: «"Отчего ж он умер?" – спросил я пивоварову жену. – "Спился, батюшка", – отвечала она».

«Рыжий и кривой» Ванька –

1. (неосознанно²⁵) **обвиняет Авдотью Самсоновну** в бесчувствии (потому что та, утратив связь, даже не знала о смерти отца): «...ей сказали, что старый смотритель умер...»;

2. (неосознанно) **оправдывает ее**

- *поскольку она все же в конце концов вспомнила об отце*: «Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе»;
- *горюет об отце*: (узнав о смерти смотрителя) «она заплакала и сказала детям: "Сидите смирно, а я схожу на кладбище"»;
- *поминает отца по-церковному*: «А потом барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег». Здесь, вероятно, имеются в виду два смежных, но все же различных события: «призвала» священника – значит, пригласила его отслужить панихиду или хотя бы заупокойную литию над могилой (вероятно, в ее присутствии); «дала ему денег» – внесла сумму, достаточную для «вечного поминовения» покойника в сельском храме;
- *испросила у отца прощения*: «Она легла здесь (на могиле смотрителя) и лежала долго». «Лежать на дорогой могиле – черта крестьянская, как выражались современники Пушкина – "простонародная"» [Берковский 1985: 94]. Народное лежание на могиле непременно (и сейчас) сопровождается *про́щей* – испрашиванием у покойника прощения за все прегрешения перед ним, (говоря по-церковному) «вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением».

Такова разногласица персонажей. Каждое суждение отражает личную точку зрения действующего лица. Рассказчик выступает как объективный наблюдатель и фиксирует реплики и мысли, которые, в общем и целом, предсказуемы, поскольку

²⁵ Мальчик наивно излагает факты, а нравственную оценку им должны дать читатели.

продиктованы логикой развития сюжета и индивидуальностью персонажа (его социальным положением, возрастом, темпераментом, умением проникать в суть происходящего и т.д.).

Едва ли Пушкин передал кому-либо из персонажей свой собственный взгляд. Думать так тем более неосновательно, что поэт заставил каждого из своих героев занять собственную позицию. Их суждения невозможно интегрировать и подвести под общий знаменатель.

III

Как известно, седьмое действующее лицо «Станционного смотрителя» Авдотья Самсоновна после побега не совершает (по отношению к отцу) поступков, – совсем никаких. Она исчезает для него, причем в земной жизни – навсегда.

По нашему предположению, разгадка замысла Пушкина кроется именно в **бездействии** Дуни после того, как она «по своей охоте» «отправилась далее с гусаром».

Кроме того, мы полагаем, что показательно не бездействие само по себе, а бездействие **на фоне** определенной нравственно-поведенческой **парадигмы**, которая в определенной типовой жизненной ситуации предписывает ряд поступков.

Конкретная парадигма, имеющая прямое отношение к ситуации станционного смотрителя, – **задана** евангельской **Притчей** о блудном сыне, картинки на темы которой украшали «смирненную обитель» станционного смотрителя.

Три предшествующих фразы содержат гипотезу. Она в дальнейшем подлежит верификации. Предварительно, однако, для отчетливого изложения нашей точки зрения необходимо систематизировать ряд общих положений:

во-первых, рассмотреть, в свете Textsortenlehre, признаки **п р и т ч и**, отличающие ее от других нарративов, и, в частности, исследовать притчевую поведенческую парадигму;

во-вторых, ввести понятие **а б с т и н а т и в н о й** (= воздержательной) РП-тактики (в отличие от РП-тактики, которая имеет внешнее выражение) и показать, какая информация сообщается человеком, когда он **не** совершает ожидаемого от него поступка (в том числе речевого);

в-третьих, выявить смысловую, в том числе нравственно-богословскую, специфику Притчи о блудном сыне, как она рассказана в Евангелии и пересказана Пушкиным.

Притча (ивр. פֶּסָלָה, греч. παραβολή, лат. parabola) – это нравственно-дидактический жанр нарратива (Textsorte), типизирующий **ж и з н е н н ы е с и т у а ц и и** (т.е. выявляющий сходство между ними) и построенный на приеме **а л л е г о р и и**²⁶.

Условимся под **ж и з н е н н о й с и т у а ц и е й** понимать любую коллизию (или конфликт) во взаимоотношениях между людьми. Жизненная ситуация подлежит высшей этической оценке: кто прав, кто виноват. Конкретные жизненные ситуации не совпадают точь-в-точь, но все же путем отвлечения-абстрагирования замечается общее, повторяющееся (т.е. типическое) в тех из них, которые по существенным признакам между собой сходны.

²⁶ Литература вопроса необозрима. «Устройство» притчи (Gleichnis) наиболее обстоятельно разработано в концепции Formgeschichte (см., например, [Berger 1984]). Энциклопедическую статью с обширной библиографией см. [Peisker 1993: 583–589]. Хороший анализ интересующих нас притч «об утраченном» (Мф 18 : 12–14; Лк 15 : 1–32), в том числе и Притчи о блудном сыне (Лк 15 : 11–32), см. [Linnemann 1975: 70–87].

Литературный прием, когда некоторая умозрительная (например, нравственная) идея выступает в живом образе, известен под именем а л л е г о р и и (иносказания). Аллегория в притче всегда обладает свойством с и м и л я т и в н о с т и: «похожесть» образа и идеи, в том числе и конвенциональная, позволяет осуществить перенос содержания притчи на другие сходные жизненные ситуации. Притча состоит из двух частей: художественно-образной (повествования) и нравоучительно-наставительной (толкования), и даже если вторая часть реально отсутствует (т.е. толкование предоставлено адресату), все же без нее параболический жанр невозможен (притча тем и отличается от других видов нарративов, что не исчерпывается повествованием).

Приведем показательный пример. «В одном городе были два человека: один богатый, а другой бедный; у богатого было очень много мелкого и крупного скота, а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела, и из его чаши пила, и была для него как дочь; и пришел к богатому странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить [обед] для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему» (2 Цар 12 : 1–4).

Без толкования перед нами – повествование о конкретном, частном происшествии. Если же прибавить обобщающее и типизирующее толкование, то нарратив становится притчей: не раз и не два бывало (есть и будет), что сильный богатый по произволу отбирает у беззащитного бедного его последнее достояние.

Царь Давид, которому пророк Нафан предложил это повествование поначалу без толкования, воспринял рассказ как реальный казус: «Сильно разгневался Давид на этого человека и сказал Нафану: жив Господь! Достоин смерти человек, сделавший это, а за овечку он должен заплатить вчетверо (...)» (2 Цар 12 : 5–6). И в этот момент пророк открывает перед царем, что он, собственно, имел в виду совсем не каких-то неизвестных людей (богача и бедняка), а людей известных (самого Давида и его верного раба Урию Хеттеянина) и не зарезанную овечку, а красавицу Вирсавию, нынешнюю жену царя, уже успевшую родить ему сына. «И сказал Нафан Давиду: ты – тот человек, [который сделал это]. (...) Урию Хеттеянина ты поразили мечом; жену его взял себе в жены» (2 Цар 12 : 7, 9). Здесь необходимо располагать предшествующим фоновым знанием: пророк пришел к царю после того, как тот отнял жену (эту самую Вирсавию) у воина Урии и даже устранил его, приказав поставить в бою на самое опасное место (2 Цар 11 : 2–27).

Рассказ об овечке потребовался пророку только ради дидактической функции, т.е. ради нравоучения. После истолкования Нафана царь и сам увидел в истории произвола богача полную аналогию тому, что совершил, и покаялся перед обличителем, и наложил на себя пост, и с готовностью принял наказание.

Не повторяются ли ситуации самовласти богатых? Мы, несомненно, видим повторение смысла притчи Нафана и в той жизненной ситуации, в которой оказался стационарный зритель: кроме Дуни, у него не было иного достояния; вторгается богач и отбирает эту самую овечку, которая «выросла у него» и которая была для него, в отличие от ситуации ветхозаветного владельца овечки, не «как дочь», а именно дочь.

Из приведенного примера видно, что притча имеет два аспекта – р е т р о - с п е к т и в н ы й (потому что она подытоживает целый ряд ситуаций, имевших между собой общие, повторяющиеся, т.е. типические, черты) и п е р с п е к т и в н ы й (потому что слушатели способны применить содержание притчи к новой конкретной ситуации, в которой оказались). Таким образом, характерной чертой притчи является то, что она панхронически т и п и з и р у е т жизненные ситуации – как прошлого, так и настоящего, так и будущего.

Персонажи притчи выступают как субъекты нравственного выбора и соответственно – нравственной оценки. Собственно, притчевый рассказ, отражающий жизненные ситуации, подтверждает сентенцию: (в области человеческих взаимоотношений) «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1 : 9). Зло из мира неустранимо, но тем не менее: «Уклоняйся от зла и делай добро» (Пс 33 : 15).

Обратим внимание на то, что притча, наряду с функцией типизации жизненных ситуаций, имеет еще одной целью управление поведением адресата. Именно

поэтому притча столь широко используется в богооткровении, особенно через пророков²⁷.

Действительно, притча эксплицитно содержит парадигму поведения, т.е. она, притча, описывая реальное поведение персонажей, одновременно этически оценивает его. Притча – тенденциозна: она одобряет или осуждает и, в случае неодобрения, предписывает, как следовало бы вести себя «правильно». Богач, укравший овечку, не покаялся; его поведение «неправильно», и светский правитель осуждает его на смерть. Более того, в свете притчи может быть однозначно оценено и поведение участников новой конкретной ситуации: царь Давид покаялся, и заслужил благоволение божества²⁸; с точки зрения притчи, рассказанной Нафаном, ротмистр Минский подлежит осуждению (тем более что он за дни «болезни» в доме Вырина мог убедиться в том, насколько дорога зрителю его Дуня).

Таким образом, притча не только отражает типичные жизненные ситуации, но и задает парадигмы поведения в них. Парадигмы эти бывают позитивными и негативными, они получают этическое одобрение или не получают его.

Сейчас будет введено понятие абстивной рече-поведенческой тактики, но предварительно обратимся к еще одной притче. На сей раз имеется в виду евангельская парабола, на которую Пушкин указывает всего одной фразой, но от этого не менее отчетливо. Между тем в имеющихся в литературе вопросах интерпретациях "Станционного зрителя", даже и серьезных, – *nomina sunt odiosa* – ее отождествляют неправильно.

Фраза "Авось, – думал зритель, – приведу я домой заблудшую овечку мою" иногда воспринимается как еще одна отсылка к Притче о блудном сыне. Однако, на самом деле эта фраза отсылает к Притче о заблудшей овце (Мф 18 : 12–13, Лк 15: 3–7). Правда, притча о заблудшей овце сопряжена с Притчей о блудном сыне, поскольку они обе входят в цикл притч "об утраченном" (*vom Verlorenen* [Linnemann 1975: 70]), – этот цикл имеется только у ап. Луки²⁹.

В Притче об овце представлено поведение Отца небесного и вообще – парадигматически – любого отца в ситуации, когда его чадо утратило ориентиры: "Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся (и шѣдъ ѣцетъ заблѣдшиѣ)? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней больше, чем о девяноста девяти незаблудившихся (не заблѣдшихъ). Так нет воли Отца нашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих" (Мф 18 : 12–14). Примечательно, что в славянском тексте притчи дважды употреблена лексема (*заблѣдшиѣ*), которую Пушкин вложил в помышление Вырина; иными словами, Пушкинская отсылка именно к Притче о заблудшей овце не подлежит никакому сомнению.

Вырин, обосновывая (для самого себя) мотивы ухода в Петербург, – может быть, подсознательно, но всё же совершенно отчетливо – опирается на эту Притчу и поступает в согласии с парадигмой, содержащейся в ней. Его овечка заблудилась, и он, всё оставив, отправляется на ее поиски. Вырин ведет себя так, как продиктовано моралью. Надо подчеркнуть, что предписание, чтобы отец шел на помощь своему дитяти, – это (как бы ни судить о генезисе императива) требование общераспространенной и, в частности,

²⁷ Ср.: «Я говорил к пророкам, и умножал видения, и чрез пророков употребляя притчи (= *פֶּסָקִים*; букв. *делал уподобления*)» (Осия 12 : 10). [Так в синодальном русском переводе, восходящем к масоретскому тексту; в славянской Библии, восходящей к Септуагинте, дана другая, менее вразумительная, версия: *и въ рѣкъхъ прорѣческихъ оуподѣвихъсѣ.*] Развернутое обоснование закономерности использования в Свщ. Писании метафор предложил Фома Аквинский (Сумма теологии, часть I, вопрос I, статья IX). Он же (в следующей, X-й, статье) показал, что слова Свщ. Писания, наряду с «четверичным значением» (имеются в виду смыслы: исторический, или буквальный, аллегорический, аналогический, тропологический, или моральный), в некоторых случаях могут иметь еще пятое значение – именно параболическое [Фома Аквинский 1999: 82–86].

²⁸ Хотя первый ребенок царя от Вирсавии умер, все же именно к браку с Вирсавией восходит родословие Иисуса Христа.

²⁹ В цикл входит еще и третья притча – о потерянной драхме (Лк 15: 8–10).

вытекающей из православного нравственного богословия морали (см. подробнее [Попов 1901]).

Вторая притча понадобилась нам не только для того, чтобы выявить ее роль в "Станционном смотрителе", но и ради демонстрации рече-поведенческого явления, названного нами абстинативной РП-тактикой.

Представим себе, что Вырин, узнав о бегстве дочери, никак бы не реагировал на него: не слез бы в постель, не отправился бы на поиски дочери, а продолжал бы принимать подорожные и жить своей обычной жизнью. Вследствие распространенности требования "Отец должен спасти свое дитя" подобное поведение было бы воспринято как аномалия. Сторонний наблюдатель отметил бы: *Единственная дочь пропала, а ему хоть бы что!; Шагу не ступил (палец о палец не ударил), чтобы вызволить Дуню!; Он и не горюет нисколько!; Другой бы всё бросил и кинулся на выручку, а он – нет!; Сделал вид, словно ничего не случилось!* и т.д.

В подобных случаях окружающие (обычно безотчетно) отмечают в поведении человека отсутствие некоторых действий, считающихся обязательными, а когда им приходится сообщать о жизненной ситуации, они специально упоминают в сообщении о том, что именно **не** случилось, **не** произошло, **не** имело места. Этим поименным перечислением выявляется, что в коллективной ментальности членов определенной национально-культурной общности есть представление о некотором наборе **н о р - м а т и в н ы х** (=типовых, "обычных", "естественных" "нормальных") реакций в той или другой жизненной ситуации. Когда же "нормальной" реакции не наблюдается, нулевое поведение, в том числе и речевое (молчание), становится знаковым.

Ср. небольшую коллекцию современных реплик:

Ей ученики в глаза дерзят, а она [учительница] слова не скажет. Имплицируется: (в нормативной ситуации) учительница обязана пресекать дерзости учеников. Тема сообщения состоит в том, что адресант отмечает отклонение от нормативного поведения, а это отклонение в свою очередь позволяет судить о человеке, который воздерживается от общепринятой тактики (учительница, может быть, молода, неопытна или, может быть, она не обладает характером).

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Имплицируется: (в нормативной ситуации) на лице должна отобразиться определенная эмоция (страх, горе, радость и т.д.).

Иногда нормативная реакция прямо указывается адресантом: *Мать стойко перенесла удар: не повалилась, не зарыдала.*

В дальнейшем выражение **н о р м а т и в н а я с и т у а ц и я** записывается аббревиатурой Nm (лат. погма "правило, предписание").

Нормативные ситуации членятся на общепринятые и на социально-групповые. Если перед нами Nm первого рода, то в с е члены определенной культурно-языковой общности обязаны вести себя одинаковым образом; три вышеприведенных примера относятся к культурно-обусловленным нормативным ситуациям.

Напротив, реплика: *Ну, думал, – всё: завтра же донесет. Нет, не донес.* Отражает социально-групповую Nm: общепринятая в русской среде мораль запрещает доносительство, но есть группа лиц, которым оно, видимо, свойственно, – поэтому отмечается, что, прибегнув к абстинативной РП-тактике, конкретный денунциант нарушил поведенческую норму группы, в которую входит. Характерно, что лицо, индивидуальное поведение которого (вследствие его вхождения в группу) в некотором аспекте отлично от общепринятого, получает номинацию по соответствующему категориальному признаку, – *болтун, брызга, доносчик, драчун, забияка, мот, наглец, наркоман, насмешник, нахал, плакса, повеса, попрошайка, пьяница, сквернослов, скупердяга, хулиган, ябедник* и т.д. Иногда адресант называет сообщество людей, к которому принадлежит он сам или третье лицо (о котором идет речь), чтобы обозначить ожидаемое от него поведение: *Как Вы мне не верите? Между прочим, Вы говорите с профессором!* [Nm: на слова профессора можно положиться]; *Не женись на Машке! На лице написано: хищница.* [Nm: хищница способна разрушить брак]; "Не такой уж горький я пропойца, Чтоб, тебя не видя, умереть" (Есенин) [Nm: горький пропойца может неожиданно умереть]. Примечательно, что социально-групповые нормы как правило отрицают общепринятые нормы или, по крайней мере, существенно отличаются от них.

Ср. ряд современных реплик, отражающих абстинативные поведенческие тактики: *Мишка, пьяный, тут же опрокинул соус. Никто даже не взглянул в его сторону.* [Nm: на происшествие обращают внимание]; *Рассказывает – все лежит, а сам не улыбнется ни разу.* [Nm: юморист, рассказав анекдот, смеется вместе со слушателями]; *В глаза врешь и не краснеешь* [Nm: лгущий человек обычно краснеет]; *Хоть бы извинился – куда там!*; *Часами говорит и не запиается ни разу.*; *Что ты стоишь, как вкопанный? Беги скорее!*; *Плюй ему в глаза – для него всё Божья роса.*; *Выпил – и не поморщился.*; *Сделает гадость и не стесняется лезть с поцелуями!*; *Мне бы исчезнуть незаметно, а я остался.*; *Неужели не волнуешься? Ведь решается твоя судьба!*; *Да ты еще улыбаешься! Как ты можешь!*; *Бутылку выпил – и ни в одном глазу!* и т.д. «Сняла решительно пиджак наброшенный. / Казаться гордою хватило сил. / Ему сказала я: "Всего хорошего", / А он прощения не попросил» (из песни).

С точки зрения грамматической формы, абстинативные РП-тактики не всегда описываются через конструкции, содержащие отрицание. Тем не менее глаголы и словосочетания с семантикой бездействия типа *промолчал, сдержался, овладел собой, продолжал (сидеть, улыбаться)* легко переводятся во фразы, называющие несостоявшееся действие: *не сказал ни единого слова*³⁰, *не вскрипел и не взорвался, не встал, не перестал улыбаться* и т.д.

Отсутствие некоторых ожидаемых поступков и реакций обычно тщательно фиксируется в художественной литературе, поскольку оно позволяет судить о внутреннем мире персонажей.

В частности, этот феномен исследован Пушкиным в повести "Выстрел". Сильвио следит за поведением на дуэли графа Б***: "Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя бы одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?" Во время второго поединка Сильвио вплоть до возвращения графини опять-таки не видит на лице своего противника никакой тревоги: тот даже пытается ускорить свою смерть. Об этом мы знаем со слов самого графа: "Я отмерил двенадцать шагов и стал там в углу, прося его выстрелить скорее, пока жена не воротилась. Он (Сильвио) медлил – он спросил огня. Подали свечи. Я запер двери, не велел никому входить и снова просил его выстрелить". Лишь когда в комнату вбежала Маша и Сильвио стал прицеливаться при ней, он, наконец, заметил ожидаемую ("нормальную") реакцию: "...я видел твое смятение, твою робость; {...} с меня довольно"³¹.

Собственно, опираясь на, пусть неотчетливую, общеязыковую семантику, сам термин – абстинативные тактики – мы уже ввели (явочным порядком). Теперь, подытоживая, дадим дефиницию. Пусть РП-тактики, согласно которым один из участников жизненной ситуации **не совершает нормативных** (ему предписываемых и ожидаемых окружающими) культурно- или индивидуально-обусловленных **действий**, называются **тактиками воздержания** или, поскольку для дальнейшего необходимо терминологическое прилагательное, – **абстинативными тактиками**³².

Абстинативные тактики, конечно, отличаются от тактик, получивших внешнее выражение, но в аспекте коммуникации те и другие равнозначны. Отсутствие не-

³⁰ Ср. в Евангелии: [Христос] "не отвечал ему [Пилату] ни на одно слово, так что правитель весьма дивился" (Мф 27 : 14) [Nm: на обвинения подсудимый обычно отвечает].

³¹ Первая глава повести "Выстрел" имеет для Пушкина автобиографический характер. В ней отразились обстоятельства его собственной дуэли в Кишиневе (июнь 1822 г.) с офицером Zubовым. По рассказам, на поединок с Zubовым Пушкин "явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял" [ПСС, VI: 759].

³² Лат. *se abstinere* "воздерживаться (от какого-либо ожидаемого) действия"; ср. *абстинент*.

которых поступков – это тоже поступок и, в частности, молчание – это, хотя бы и нулевая, но всё же речь. Так, в зависимости от ситуации молчание бывает знаком то согласия, то несогласия, то возмущения, то пораженности, то недогадливости, то робости, то нежелания говорить с кем-либо и т.д.

Абстинативные РП-тактики играют особо важную роль на фоне притчевой морали, ибо она, эта мораль, – при условии ее распространенности в обществе, – диктует одному из участников жизненной ситуации, как себя вести и от какого поведения воздерживаться, и, с другой стороны, формирует поведенческие ожидания-экспектации у сторонних наблюдателей.

Обратимся теперь к Притче о блудном сыне (ПБС).

Пушкин, безусловно, мог бы положиться на память своих читателей. но, видимо, история блудного сына была настолько важна для повествования о судьбе бедной Дуни, что поэт решил, не жалея места, "своими словами" пересказать евангельский текст. Пересказ Пушкина является пунктирным: он пропускает некоторые сюжетные звенья, – стало быть, всё же рассчитывает на фоновые знания тогдашней российской читающей публики.

Заметим кстати, что ПБС интересовала Пушкина и до написания "Станционного смотрителя". Эта последняя повесть сопряжена с начатым раньше ее и не доведенным до конца прозаическим сочинением, известным как "Записки молодого человека". Видимо, отказавшись от мысли когда-либо дописать эти "записки", Пушкин предполагал включить – и действительно включил – в "Смотрителя" несколько фрагментов из покинутой вещи. Так, те картинки, которые рассказчик рассматривает в "обители" Самсона Вырина, в рукописи "Смотрителя" отсутствуют, но на соответствующем месте помечено: "Из записок молодого человека". Этот фрагмент и был перенесён почти слово в слово (в "Записках" он немного пространнее).

Картинок, которые рассматривает "титularный советник А.Г.Н.", всего четыре.

"В первой почтенный старик в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами". "В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами". "Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние". "Наконец, представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафроке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях, в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости".

В "Станционном смотрителе" внимание читателя к картинам привлекается и во второй раз. Рассказчик попадает на ту же станцию через несколько лет: "Лошади стали у почтового домика. Вошел в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына".

Пушкин нигде этого в явном виде не говорит, но столь значительное композиционное место картинок как бы подталкивает приложить их, а с ними и Притчу о блудном сыне, к жизненной ситуации Авдотьи Самсоновны.

IV

Сопоставим теперь парадигматичное поведение Блудного сына из Притчи и отклоняющееся от него поведение "заблудшей овечки" (или Блудной дочери³³) из "Станционного смотрителя". Анализ смысловых компонентов ПБС сочетается у нас с

³³ В пушкиноведческой литературе Авдотью Самсоновну не без оснований обычно именуют Блудной дочерью (последний пример – [Бройде 1999]).

анализом абстинентивных РП-тактик, которых держалась Дуня вплоть до своего приезда на могилу отца.

Общее между ними в том, что и Блудный сын и Блудная дочь одинаково покидают любящих отцов и решаются на порочную жизнь. Общее между ними также в том, что и Блудный сын и Блудная дочь – одинаково возвращаются домой и испрашивают у отцов прощения (по христианскому вероучению, покойники – живы; стало быть, Самсон Вырин, пусть и за гробом, знает о раскаянии дочери). Если взять только начальную и конечную точки ПБС и "Станционного зрителя", то они совпадают, и может показаться, что Пушкин, сменив одежды персонажей и приняв меры, чтобы избежать явных повторений, просто-напросто пересказал евангельскую притчу. Может сложиться впечатление, что Дуня в целом следует парадигме Блудного сына: согрешив³⁴, она покаялась.

На самом же деле Пушкин вступает в явную полемику с ветхозаветным Законом и далеко отходит от поведенческой парадигмы ПБС.

Во-первых, Блудный сын раскаивается под влиянием жизненного **краха**. Остается переменить знаки плюс на знаки минус: под влиянием жизненного **успеха** Блудная дочь **не** раскаивается и **не** возвращается домой.

Поэт лишает Дуню внешнего стимула к покаянию.

В свете пятой заповеди Декалога (Исх 20: 12)³⁵ лишь почтительному к родителям сыну уготовано земное преуспевание и долголетие, тогда как непочтительный неминуемо потерпит крах. Эту, довольно прямолинейную, связь наблюдаем в ПБС: Блудный сын *расточѣ ѿмѣніе своѣ ѿ начатѣ лишѣтисѣ*; он произносит слова, которые звучат пронзительно не только в оригинале: ἐγὼ δὲ λιπὼν ἀπόλλυμαι, но и в церковнославянском переводе: *ѧзѣ же глѧдомѣ гѧблѧю* (Лк 15 : 13–14, 17). Между тем Дуня, бежав с гусаром, совсем не оказывается на улице, и ей не приходится якшаться с "голью кабацкою". Став барыней, Авдотья Самсоновна "ехала в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной москочю".

Поскольку внешний жизненный успех, если взглянуть на него sub specie aeternitatis, совсем не равноценен успешно прожитой жизни, может быть, для нравственности Дуни (и уж определенно для Самсона Вырина) было бы лучше, если бы перспектива гибели от глада заставила Блудную дочь одуматься. Таков, кстати сказать, императив слабой (общепринятой) этики: Бог вразумляет несчастьями и наставляет на путь истинный.

Существует и мотивация в свете сильной (собственно христианской) этики. Если бы Дуня вернулась к отцу на фоне полного благополучия, а не гонимая нуждой, – это был бы поступок, лишенный внешнего мотива, не вынужденный, а свободный, мотивированный не заботой о себе ("некуда деваться"), а исключительно чувством любви к родителю.

Можно думать, что Пушкина интересовал сам феномен деятельной любви к родному дому. Об этом косвенно свидетельствует сделанная им выписка из январского тома Миней-Четии митр. Димитрия Ростовского.

Под 15 января, в Житии преп. Иоанна Кушника, рассказывается о том, как юный монах, ушедший из дома в обитель и хорошо прижившийся там, смертельно тоскует по родителям и в конце концов возвращается в родной дом. Выписка берет за душу, и мы ниже ее воспроизводим (в Пушкинском объеме, но с полным соблюдением всех особенностей церковнославянского печатного текста по изданию 1759 г. [которое и могло быть в распоряжении поэта]):

³⁴ С религиозной точки зрения, грех – это искажение замысла Бога о человеке, созданном по образу и подобию Божию.

³⁵ Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе".

Вложи оубо ѿмѣ мысль ѡ родителехъ, ѿкѡ жалостію сокрѣшатисѣ
 срѣцѣ ѿгнѣ, воспоминающе велико Ѡца и мѣре любовь, юже къ немѣ имѣша, и
 глаше ѿмѣ помыслъ: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебѣ, колико
 многую имѣтъ скорѣ, и тѣгѣ, и плачѣ ѡ тебѣ, ѿкѡ не вѣдѣющимъ имъ
 ѡшѣлъ еси: Ѡтецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братѣ сѣтѣютъ, сродники
 и ближніи жалѣютъ по тебѣ, и весь домъ Ѡца твоегѡ въ печали естъ
 тебѣ радн. Ещѣ же воспоминаше ѿмѣ лѣкавыи богатство и слава родителей,
 и чѣстъ братѣи ѿгнѣ, и различнаа мѣрскаа сѣтствіа во оумѣ ѿгнѣ
 приводѣше: день же и нощѣ непрестанно таковыми помыслими смѣщѣше
 ѿгнѣ, ѿкѡ оубо изнеможи ѿмѣ тѣломъ, и ѣде живѣ бѣгнѣ: Ѡво бо ѡ
 великагѡ воздержаніа и иноческихъ подвиговѣ, Ѡво же ѡ смѣщеніа
 помысловѣ, изше ѿкѡ скудѣль крѣпость ѿгнѣ, и плоть ѿгнѣ бѣ ѿкѡ
 трѣсть вѣтромъ колѣелема [Книга житіи 1759: л. сѣа об.].

Как бы то ни было, Блудной дочери любовь к родному дому явно чужда, и в отличие от поступка Иоанна Кушника она не способна действовать с позиции бескорыстной сильной этики. Между тем слабо-этического стимула к покаянию Пушкин ее лишил. Жизненный успех заставил Дуню коснеть в своем прегрешении. Такова первая причина свойственных ей абстинативных РП-тактик.

Во-вторых, – если Блудный сын раскаивается (согрѣшѣхъ на нѣво и прѣдъ тобою) и возвращается домой (костѣкъ ѿде ко ѡтцѣ своему) еще при жизни отца, т.е. относительно быстро³⁶, когда все еще можно поправить, то Блудная дочь не раскаивается настолько долго, что ситуация становится необратимой – такой, когда уже ничего не поправишь. Урок ПБС и "Станционного смотрителя" заключается в том, что есть существенная разница между, скажем так, б л а г о в р е м е н н ы м покаянием (в первом случае) и покаянием надолго отложенным, з а п о з д а л ы м (во втором). Конечно, и запоздалое покаяние похваляемо, но в отличие от благовременного оно, вероятно, не ведѣт к полному изглаживанию греха. Время течет только в одну сторону, его нельзя обратить вспять, и то, что унесено временем, – *невозвратимо*, *unwiederbringlich*³⁷. Лежащего в могиле старика-смотрителя уже не воскресишь, и он, в отличие от отца Блудного сына, не может порадоваться ни возвращению дочери, ни приезду внучат.

Подчеркнем, что указанная импликация благовременности покаяния – неустранима из ПБС. Что было бы с ее дидактическим потенциалом, если бы Блудный сын раскаялся и вернулся п о с л е смерти отца? – Смысл данной параболы утратился бы полностью! Поэтому важно не просто покаяние Блудного сына, а именно – б л а г о в р е м е н н о е покаяние.

Между тем в "Станционном смотрителе" мы наблюдаем покаяние – з а п о з д а л о е.

Срок после бегства Дуни вплоть до смерти ее отца действительно прошел большой³⁸. Старый человек и без пристрастия к кабаку вполне мог бы за это время уме-

³⁶ Правда, абсолютные временные рамки в тексте Притчи не указаны. Тем не менее можно судить с позиции здравого смысла: обычно даже большое именование проматывается за короткий срок.

³⁷ Немецкое слово стало крылатым и приобрело интенсивные эмоциональные обертоны в семантике после выхода в свет (1891) одноименного популярного романа Теодора Фонтане. Впрочем, семантически очень близко рус. наречие *невозвратимо*. Ср.: "Гадает старость сквозь очки / У гробовой своей доски, / Все потеряв невозвратимо" (Пушкин, Евгений Онегин, V. 7).

³⁸ Пушкин не дает точных временных рамок действия. Лишь во время второго заезда "титularного советника А.Г.Н." на станцию*** отмечено, что бегство Дуни случилось "три года тому назад, однажды, в зимний вечер".

реть. Что это так, мы узнаём от рассказчика, "титularного советника А.Г.Н.", который, в третий раз направляясь на станцию***, делает соответствующее предположение: «На вопрос мой: "Жив ли старый смотритель?" – никто не мог дать мне удовлетворительного ответа». Для подобного вопроса, несомненно, имелись основания, причём рассказчик, безусловно, ничего не знал о пагубном пристрастии смотрителя. Прибавим к этому, что Дуня вернулась не сразу после кончины отца, а еще позже – тем летом, когда он уже "с год как помер".

Таким образом, если иметь перед глазами поведенческую парадигму ПБС, то перед нами коллизия: (Nm) ты должен раскаяться «во благовремении»³⁹ ⇔ Дуня раскаялась запоздало.

И это запоздание восходит исключительно к отсутствию чувства раскаяния. После того, когда ее положение определилось и упрочилось, Дуня могла поступить так, как поступил блудный сын в евангельской притче. «Въ себѣ же пришѣдъ, (...) (сын) воставъ иде ко отцѣ своему. (...) Рече же имъ сынъ: Отче, согрѣшихъ на нѣо и предъ тобою, и оуже нѣсмь достоинъ нарециса сынъ твоѣ» (Лк 15 : 17, 20–21)⁴⁰. А что смотритель раскрыл бы дочери свои объятия, нет никакого сомнения, – ведь он был готов принять ее в том двусмысленном состоянии, в котором она находилась, проживая на содержании.

В-третьих, феномен запоздалого покаяния осмыслен Пушкиным в свете многовариантной новозаветной этики. Дерзнув, можно высказать догадку, что поэт устанавливает этическую закономерность, которая хорошо согласуется с Новым Заветом, но входит в решительное противоречие с Ветхим.

С точки зрения прямолинейных ветхозаветных представлений, потерпеть крушение в этой жизни должен коснеющий во грехе блудный сын, и только он один, тогда как праведник обязательно процветёт⁴¹. Новозаветная этика воздаяния не отрицает такой возможности, но одновременно она не отвергает и возможности земного преуспевания грешника и бедствования праведника вплоть до скончания их дней (ибо воздаяние в таком случае переносится в загробный мир).

Действительно, в «Станционном смотрителе» знак плюс меняется на минус: в этой жизни терпит крушение добродетельный отец! Блудная дочь, вопреки закону прижизненного воздаяния, благоденствует, а влечит свои дни и затем погибает – опять-таки в противоречии с Моисеевым законом – человек, ничем не заслуживший своей плачевной судьбы.

Настенные картинки дважды – и притом одинаково – изображают отца: когда сын уходит, мы видим «почтенного старика в колпаке и шлафроке»; когда сын возвращается, его встречает тот же «добрый старик в том же колпаке и шлафроке». Уезжая, Дуня покидает «человека лет пятидесяти, свежего и бодрого». Получив известие о бегстве Дуни, «бедняк занемог сильной горячкою». Когда рассказчик во второй раз встретился со смотрителем, он «не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика». В конце концов, лишь на поверхностный взгляд Вырин «спился», – на самом деле он умер от сердечной тоски:

³⁹ Терминологическая калька *благовремение* (εὐκαιρία; *opportunitas*) и калькированное словосочетание *благо время* имеют библейское происхождение. Они не означают всего лишь «хорошее (доброе) время». В сочетании с предлогом *во* они означают «во время благопотребно», т.е. именно тогда, когда нужна того требует (см. подробнее [Гильтебрандт 1898: 17]). Действование «во благовремении» – атрибут Бога; Бог никогда не опережает события и не опаздывает.

⁴⁰ Цитируем по синодальному изданию славянского Евангелия. – подобный текст мог быть в руках Пушкина.

⁴¹ Эта убежденность в воздаянии грешнику и в вознаграждении праведнику именно на земле наиболее выпукло выражена в знаменитом 1-м псалме «Блажен муж». Праведник «будет яко древо насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не опадет, и вся, елико аще творит, успеет». Совсем иная судьба грешника: «но яко прах, егоже возметает ветр от лица земли, (...) и путь нечестивых погибнет».

«А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь, уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье?» Когда же Авдотья Самсоновна, наконец, вновь приезжает в родное село Н., то находит лишь «грудку песку, в которую врыт был черный крест с медным образом». Читатель с ужасом наблюдает за процессом разрушения праведного отца, а читательское чувство справедливости обмануто, поскольку в финале, несмотря на возвращение Дуни, порок не наказан и добродетель не восторжествовала⁴².

Иными словами, Пушкин заострил теолого-нравственную насыщенность притчи ПБС. Грех блудного «дитяти» не непременно ведет его к жизненному краху. Своевольно согрешающий вовлекает во зло окружающих людей, в том числе сын или дочь оказываются способны погубить родителя. Следовательно, грешник ответствен за проступок не только потому, что он губит самого себя, но и потому, что он оказывается причиной жизненного краха других людей. Отменив ветхозаветную связь греха/праведности с жизненным благополучием/крахом, Пушкин ввел в Притчу о блудной дочери новозаветный теологумен, – «твой грех губит другого человека».

Парафрастичность «Станционного зрителя», конечно, неочевидна. Относительно справедливости нашей попытки богословской интерпретации можно судить по-разному. Тем не менее если жизнь и тем более смерть человека – это мерило всех ценностей, кончина Самсона Вырина объективно обвиняет непосредственную виновницу его смерти – Дуню. Блудный сын, по ветхозаветному Закону, не мог стать причиной краха своего отца; новозаветная этика, с ее благодатным обетованием неочевидного и загробного воздаяния, усиливает понятие греха, заставляя подпадать под его воздействие как самого грешника, так и окружающих его людей. Обернув другой стороной ветхозаветную заповедь «Возлюби ближнего как самого себя» (= *Возлюби себя и возлюби ближнего*), в новозаветных этических понятиях можно было бы сказать: «Не губи ближнего своего» (= *Не губи себя и не губи [этим] ближнего*).

Такое этико-богословское содержание, которое можно извлечь из «Станционного зрителя», если абстинативные РП-тактики Блудной дочери рассматривать на фоне нормативных РП-тактик Блудного сына.

Другие абстинативные РП-тактики Блудной дочери имеют периферийное значение, и мы перечислим их весьма кратко.

Дуня

• *не остаётся в воле родителя* (Нп: дети должны быть послушными). Так, непослушание и, в частности, выходы или отлучки из дома без ведома родителей запрещены уже в Ветхом Завете⁴³: *и́ли не жéзатъ рѣ́ки на́шея ѣсть, вnéгда вхо́дити е́мъ [сыну нашему] и́схо́дити предъ нами* (Тов 5, 18); *Ко́ль ху́ленъ ѡстава́аи отца́, и про́клатъ ѣде́тъ раздража́аи ма́терь свою*

⁴² Вопреки Гершензону, зритель не мог быть «счастливым счастьем Дуни», потому что Дуня – абстинативно – ничего не сообщала ему о себе.

⁴³ Обычно, когда необходимо представить ветхозаветную этику взаимоотношений детей и родителей, то ссылаются на наставления Иисуса сына Сирахова (3 : 1–16). Здесь читается: «Дети, послушайте меня, отца, и поступайте так, чтобы вам спастись, ибо Господь возвысил отца над детьми и утвердил суд матери над сыновьями. Почитающий отца очистится от грехов, и уважающий мать свою – как приобретающий сокровища. Почитающий отца будет иметь радость от детей своих и в день молитвы своей будет услышан. Уважающий отца будет долгоденствовать, и послушный Господу успокоит мать свою. Боящийся Господа почитит отца и, как владыкам, послужит родившим его. Делом и словом почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословение от них, ибо благословение отца утверждает дома детей, а клятва матери разрушает до основания. Не ищи славы в бесчестии отца твоего, ибо не слава тебе бесчестие отца. Слава человека – от чести отца его, и позор детям – мать в беславии. Сын! прими отца твоего в старости его и не огорчай его в жизни его. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей, ибо милосердие к отцу не будет забыто; несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится. В день скорби твоей вспомняется о тебе: как лед от теплоты, разрешатся грехи твои. Оставляющий отца – то же, что богохульник, и проклят от Господа раздражающий мать свою» (Сир 3 : 1–16).

(Сир 3 : 16). Заповедь послушания чад родителям присутствует и в Новом Завете, и при этом примечательно, что эксплицитно подтверждается преемство: **Чада, посажайте своихъ родителей ѿ Гдѣ: сѣ бо ѣсть правѣдно. Чти Отца твоего и мать: ѿже ѣсть заповѣдь первая во ѿвѣтованіи** (Еф 6 : 1–2)⁴⁴. Эта и подобные ей (следующие ниже) прописные истины ходячей морали были в России всем известны, потому что они входили в основы всеобщей социализации детей согласно религиозной морали⁴⁵ (см. подробнее: [Возвращение 1999: 61–62]). Заповедь почитания детьми родителей обосновывается узами благодатности, связывающими тех и других⁴⁶;

• **не даѣтъ отцу знати о себѣ** (Nm: дети должны постоянно оставаться в контакте с родителями). Авдотья Самсоновна могла поступить так, как в аналогичной ситуации поступила Марья Гавриловна Р**, героиня «Метели», также вошедшей в состав «Повестей Белкина». Решившись тайно венчаться с Владимиром Николаевичем, она прибегла к РП-тактикам разъяснения мотивов своего деликта: в письме к родителям она «прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой поступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшей минутою жизни почтет она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших ее родителей». Абстинативная тактика Дуни в свете сказанного такова: она **не** послала с ямщиком отцу никакой вести и **не** сказала о своих намерениях⁴⁷. Действительно и через три года бедный отец на вопрос о здоровье Дуни отвечает: «А Бог ее знает». Три года оставаясь в неизвестности, он терпит душевные муки, предполагая, что Дуню постигла обычная судьба соблазненных беглянок⁴⁸, и даже желает ей смерти: «Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согресишь, да пожелаешь ей могилы».

Собственно, если в «Метели» ожидание читателей подтверждается, то в «Станционном смотрителе» оно не оправдывается⁴⁹. Не исключено, что Дуня, став барыней, стала стыдиться своего простого отца⁵⁰;

⁴⁴ За непочитание родителей в Ветхом Завете полагалась смертная казнь: «Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти» (Исх 21 : 17).

⁴⁵ Ср. настойчивое повторение заповеди беспрекословного послушания: «Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей» (Притч 1 : 8); «Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу» (Кол 3 : 20).

⁴⁶ «Всем сердцем почитай отца твоего и не забывай родильных болезней матери твоей. Помни, что ты рожден от них: и что можешь ты воздать им, как они тебе?» (Сир 7 : 29–30).

⁴⁷ «Девочка лет четырнадцати» оказалась лицемеркой, и ее лицемерие стало даже сугубым грехом: Дуня совершила обман в святой воскресный день, да еще сделала вид, что собирается к обедне. Богопротивный поступок она представила как богоугодный.

⁴⁸ Она отражена, например, в городском романсе «Когда б имел золоты горы»:

– Проси у сердца ты совета,

Страданьем тронута моим.

И веря святости обета,

Беги с возлюбленным своим.

– Но как же, милый, я покину

Семью родную и страну?

Ведь ты заедешь на чужбину

И бросишь там меня одну.

Умчались мы в страну чужую,

А через год он изменил.

Забыл и клятву роковую,

Когда другую полюбил.

А мне сказал, стыдясь измены:

«Ступай обратно в дом отца.

Оставь, Мария, мои стены».

И проводил меня с крыльца.

⁴⁹ Читатель может (вместе с Р. Поддубной; см. выше) подумать, что Дуня эгоистически строит свое счастье «за счет обманутого доверия и страданий другого человека». Читательские экспектации обмануты: читатель никак не может осмыслить мотивы поведения девушки, которую, бывало, «всякий похвалит, никто не осудит».

⁵⁰ Религиозная мораль осуждает этот ложный стыд: «Помни об отце и о матери твоей, когда сидишь среди вельмож» (Сир 23 : 17).

• не отдаёт родителю последнего долга. Между тем, последний долг чада перед родителями состоит в погребении их. Эта заповедь особенно остро звучит в Ветхом Завете: ср. завет Товита сыну: *Чадо, аще оумрѣ, погребѣи ма* (...). *ѣгда оумретъ* [мать твоя], погребѣи ю (Тов 4 : 3–4). Она же воспринята и в Новом.

Таким образом, если в евангельской притче говорится о возвращении блудного сына, то в «Станционном смотрителе» рассказано о не возвращении. Тем не менее притчевый характер сюжетной линии «бегство дочери – невозвращение – гибель отца» выражен вполне отчетливо: с формальной точки зрения, он ничем не отличен от линии «уход сына – возвращение – радость отца». По содержанию, как видим, поэт переменял притчевые знаки «плюс» на знаки «минус», и если в Притче дана парадигма одобряемого поведения сына (с триумфом в финале), то в «Станционном смотрителе» дана парадигма поведения неодобряемого (с трагедией в финале).

Сейчас будет произнесено суждение, способное показаться психологически неприемлемым, – тем не менее над ним стоит поразмышлять. *Дуня повинна в отцеубийстве!* Естественно, не в прямом⁵¹, а в том самом, которое некогда имел в виду праотец Иаков: *сведѣте старость мою съ печалію во ѡдъ* (под *адом* понимается могила; Быт 42 : 38)⁵².

Обиходный язык подсказывает реальную возможность смерти тоскующего человека; ср.: *убиваться, убит* горем, *горевать/печалиться до смерти, умер* от тоски/от печали. Ср. также: *спился с горя*.

V

В заключение, уже отвлекаясь от Авдотьи Самсоновны, несколько общих слов по теме покаяния, которой завершается «Станционный смотритель». *Возвращение* блудного сына – это (в переносном смысле) *покаяние*, т.е. возврат к состоянию до совершения греха. Метафорическая связь между возвращением и раскаянием наиболее отчетливо выражена в иврите: глагол *נָשׁוּב*, как он употребляется в Танахе, означает: 1) «возвращаться, приходить на то место, откуда вышел» и 2) «раскаиваться» [König 1931: 486–488]. Отглагольное имя *נְשׁוּבָה* также имеет два значения, но переносное («покаяние») уже выходит на первый план [König 1931: 559]. Богословские обертоны глагола *נָשׁוּב* и имени *נְשׁוּבָה* (покаяния как возвращения) рассмотрены в [Jenni, Westermann II 1984: 884–891]. Мотивировки греч. понятия *μετάνοια* (букв. «поворот ума, перемена мыслей») и слав. *покаѣнникъ* – другие.

Синкретичная сопряженность возвращения-покаяния психологически точно отражена в ПБС. Покаяние, которое затем приведет к возвращению, начинается с осознания гибельности своего греховного состояния, и блудный сын, действительно, заключает: «А я умираю». Затем кающийся обязан признать, исповедать свои грехи, и младший сын говорит о них дважды: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою». Кроме того, обязателен стыд, а также смирение и самоосуждение; сравните: «Уже недостойн называться сыном твоим». Далее необходима готовность принять заслуженное наказание и понести его: «Прими меня в число наемников твоих». И наконец,

⁵¹ В общем, даже для Ветхого Завета прямое отцеубийство – редчайший случай; один лишь Авессалом покушался на жизнь своего отца Давида.

⁵² Речения взято из контекста, когда Иаков должен был отпустить в опасный путь своего младшего и самого любимого сына Вениамина. «И сказал им [другим детям] Иаков, отец их: вы лишили меня детей: Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, – все это на меня! И сказал Рувим отцу своему, говоря: убей двух моих сыновей, если я не приведу его к тебе; отдай его на мои руки; я возвращу его тебе. Он сказал: не пойдет сын мой с вами; потому что брат его умер, и он один остался; если случится с ним несчастье на пути, в который вы пойдете, то сведете вы седину мою с печалью во гроб» (Быт 42 : 36–38).

предполагается не одно лишь намерение, а действие, реальное возвращение на праведный путь. Так и поступает блудный сын: «Встал и пошел к отцу своему».

В свое время Притчу о блудном сыне применяли и к Пушкину: «...несомненно то, что в последних годах совершался в нем нравственный переворот, переворот глубокий, но медленный и тяжелый» [Никанор 1996: 197]).

Знал ли сам Пушкин чувство покаяния? Вопрос риторический! Достаточно обратиться к хрестоматийному «Воспоминанию» («Когда для смертного умолкнет шумный день»), написанному за неделю до дня рождения поэта (19 мая 1828 г.) и как бы подводящему жизненные итоги. По беловой рукописи стихотворение кончается так:

В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья:
Мечты кипят; в уме, подавленным тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

В черновой рукописи «Воспоминание» продолжается:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды.
Вновь сердцу моему наносит холодный свет
Неотразимые обиды...

Перед нами самый настоящий покаянный псалом – столь же пронзительный, как 50-й псалом осознавшего свое падение царя Давида⁵³. Лишь предположив неискренность и отбросив черновое продолжение, можно допустить, что фраза «Но строк печальных не смываю» истолковывается как «не желаю смыть» (т.е. дорожу своими памятными грехами). Нет, у Пушкина было как раз жгучее желание изгладить грехи, но он не видел в себе сил остановиться. М.О. Гершензон весьма тонко уловил такое психологическое состояние: «Пушкин хорошо знал чистое чувство греховности, то настроение, когда человек говорит себе: пусть я не властен не согрешать, но мне больно и стыдно, что я так далек от совершенства».

А второй пушкинский покаянный псалом – связан как раз с образом блудного сына. На исходе 1829 г. Пушкин вернулся к форме стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» (1814), того самого, прочитанного в Лицее в присутствии Державина. Удержав для нового стихотворения старое название и старую строфику, частично сохранив и прежнее содержание, все же в первых двух строфах Пушкин сознает себя совершенно по-другому, и доминанта раскаяния нашла адекватное выражение в ассоциативном пространстве знаменитой евангельской притчи:

⁵³ Псалом «Помилуй мя, Боже» царя Давида имеет два надписания: **внѣгда внѣти къ немѣ на-фанъ прѣрокъ** (т.е. после того, как пришел к нему пророк Нафан и рассказал свою притчу); **ѣгда внѣде ко вирсави женѣ оуриѣвъ** (т.е. когда он [царь] вошел к Вирсавии, жене Урия [Хеттеянина]). Да, да! Самое знаменитое покаянное поэтическое произведение было создано после гибели Урии и похищения Вирсавии.

Воспоминаньями смущенный,
 Исполнен сладкою тоской,
 Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
 Вхожу с поникшей головой.
 Так отрок Библии, безумный расточитель,
 До капли истощив раскаянья фиал,
 Увидев наконец родимую обитель,
 Главой поник и зарыдал.
 В пылу восторгов скоротечных,
 В бесплодном вихре суеты,
 О, много расточил сокровищ я сердечных
 За недоступные мечты.
 И долго я блуждал, и часто, утомленный,
 Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
 Я думал о тебе, предел благословенный,
 Воображал сии сады.

Прямые отождествления, которые, впрочем, в рациональном анализе могут иметь вместо, просты и очевидны: *отрок Библии* – это, конечно, косвенное (аллюзивное) именование Блудного сына из притчи. Перед нами перечисление едва ли не всех признаков истинного покаяния: сознание гибельности греха («предчувствуя беды»); исповедание прегрешений («О, много расточил сокровищ я сердечных»); обязательность стыда («главой поник»). Очень характерен глагол *блуждать* («И долго я блуждал») – в переносном смысле – совершать неправильные поступки⁵⁴.

Обратите внимание на то, что во второй строфе Пушкин явно отделяет себя от уже обратившегося к добру блудного сына. Он лишь уподобляет себя ему, но не отождествляет себя с ним.

Отождествил же себя поэт с блудным сыном, по мнению архиеп. Никанора, только в момент кончины: “Умирая в тяжких муках на своем кресте, раб Божий Александр, мы верим, только в эту минуту воззвал к милосердию Отца Небесного решительным гласом блудного сына: *Отче! согреших на небо и пред Тобою, и несмь достоин нарецися сын Твой. Но прими мя якоже единого от наемник Твоих*. А говорим мы все это, чтобы выяснить себе и другим, что величайший наш поэт был действительно любимый сын Отца Небесного, был в жизни сын заблуждающийся, а в тяжелой смерти сын кающийся; что он родился христианином, жил полухристианином и полуязычником, а умер христианином, примиренным со Христом и Церковью”. [Никанор 1999: 207, 212]. Знаменитый архипастырь в заключение прилагает к Пушкину парафраз строки из Притчи о блудном сыне: *Веселитися и возрадоватися подобаше, яко сей сын Отца Небесного мертв бе и оживе, и изгибл бе и обретеся* [Там же: 212].

* * *

Подведем итоги.

1) Лингвистический анализ вносит некоторую объективность в решение вопроса об авторском замысле.

Конечно, Пушкин имел в виду разные интерпретации – в зависимости от персонажей. Каждый из семи героев повести “Станционный смотритель” обладает прав-

⁵⁴ ПБС – это призыв к покаянию *par excellence*. Не случайно, в согласии с церковной традицией, именно ее прочитывают в тех случаях, когда необходимо вызвать покаянное чувство. Так, она читается во второе приговорительное воскресенье к Великому посту, в так называемую Неделю о блудном сыне. Интересно, в частности, что в старое время перед этапированием преступников (в Сибирь) им в качестве напутствия читалась 15-я глава Евангелия от Луки, содержащая ПБС.

дой, но – **своей**. Если Евгений Онегин – не столько живой человек, сколько “вешалка для разных масок”, то в “Станционном смотрителе” – герои живые, действующие по собственной логике. Здесь Пушкин куда больше реалист, он вплотную подошел к идее независимости героев от автора художественного произведения, поскольку это последнее способно приобрести самостоятельную инерцию развития.

Тем не менее авторская позиция – есть! Есть и авторская оценка. Есть **высшая** Правда. Пушкин не декларировал ее, – что противоречило бы природе художественного произведения, – а выразил через специально пригодную для нравочужения притчевую форму. Столкнув Притчу о блудном сыне со своей собственной Притчей о блудной дочери, он на фоне первой притчи (и вполне внятно для читателей [его современников]) представил свою собственную поведенческую парадигму. Она может быть сформулирована во множестве сентенций, – например: “твой грех губит другого человека”; “не губи ближнего своего”. Поэт совершил переход из ветхозаветного царства Закона воздаяния в область новозаветной Благодати, т.е. в область (возможно, и не наказуемой при жизни) полнейшей свободы человека в выборе добра или зла. Человек, действующий “по своей охоте”, берет на себя ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбу любящих его людей. Если покаяние сверх всяких пределов затягивается, то обычно бывает трагедия.

Пушкинский текст еще раз убеждает в реальности, социальности и устойчивости РП-тактик. Отсюда общее заключение: их описание и анализ могут быть одним из путей к пониманию национальной русской ментальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.В. 1998 – Язык и мир человека. М., 1998.
- Бартенев П.И. 1925 – Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851–1860 гг. М., 1925.
- Берковский Н. [Я.] 1960 – О “Повестях Белкина” (Пушкин 30-х гг. и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. Сборник статей. М.; Л., 1960.
- Берковский Н.Я. 1985 – О “Повестях Белкина” // Н. Берковский. О русской литературе. Сборник статей. Л., 1985.
- Богомолец В.К. 1969 – “Бедная Лиза” Карамзина и “Станционный смотритель” Пушкина (тезисы доклада) // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. М., 1969.
- Бочаров С.Г. 1969 – Пушкин и Гоголь (“Станционный смотритель” и “Шинель”) // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969.
- Бройде М.Г. 1999 – История блудной дочери: испытание сокровищами земными (“Станционный смотритель”) // М.Г. Бройде. Читая Пушкина. М., 1999.
- Вересиев В.В. 1984 – Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 1984.
- Верещагин Е.М. 1969 – Эстетика макаронизмов: мотивированность выбора языковых знаков при билингвизме // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
- Верещагин Е.М. 1987 – К счастью, явился Пушкин // РР. 1987. 5.
- Верещагин Е.М. 1988 – “От Пушкина до наших дней” // РР. 1988. 1.
- Верещагин Е.М. 1990 – Тактико-ситуативный подход к речевому поведению. (Поведенческая ситуация “Угроза”) // Rissistik. Русистика. 1990. № 1.
- Верещагин Е.М. 1991 – Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – Всесоюзная научная конференция. Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. Ч. 1. М., 1991.
- Верещагин Е.М. 1992 – “...читал и любил читать Евангелие”. Что входит в состав российской словесности? // Русский язык в СНГ. 1992. № 10–12.

- Верецагин Е.М. 1995 – Один случай семантико-поведенческой парадигмы: ἐλέγχειν и отличати // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. М., 1995.
- Верецагин Е.М. 1996 – Из лингвострановедческой археологии. Ключевое советское слово очередь // Сборник научных трудов Московского гос. лингвистического университета. Вып. 426. М., 1996.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. 1973 – Язык и культура. М., 1973.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. 1980 – Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. 1988а – Приметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. 1988б – “Языковое представление варьируется от языка к языку” // Вопросы философии. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6–7. Ереван, 1988.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. 1990 – Язык и культура. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 1990.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. 1999 – В поисках новых путей лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М., 1999.
- Верецагин Е.М. и др. 1992 – Е.М. Верецагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер. Речевые тактики “призыва к откровенности”. Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // ВЯ. 1992. № 6.
- Возвращение 1999 – Возвращение блудного сына. Родители и дети: взаимоотношения. Составитель Галина Громова. М., 1999.
- Гершензон М.О. 1919 – “Станционный смотритель” // М. [О.] Гершензон. Мудрость Пушкина. М., 1919.
- Гильтебрандт П. [А.] 1898 – Справочный и объяснительный словарь к Псалтири, составленный Петром Гильтебрандтом (Рязанским). СПб., 1898.
- Гиппиус В.В. 1966 – Повести Белкина // В.В. Гиппиус. От Пушкина до Блока. М. – Л., 1966.
- Грайс Г.П. 1985 – Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Книга житий – Кнѣга житій сѣхъ на трѣ мѣа вторыѣ. М., 1759.
- Костомаров В.Г. 1999 – Пушкин и современный русский литературный язык // Русский язык за рубежом. 1999. № 2.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. 1997 – Современное состояние русского языка и проблемы обучения ему иностранцев // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5–6 июня 1997 г.). М., 1997.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. 1999а – Пространство современного русского дискурса и единицы его описания // Русский язык в центре Европы, 1. Банска Бистрица, 1999.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. 1999б – Единицы семиотической истемы русского языка как предмет описания и освоения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.
- Купреянова Е.Н. 1981 – А.С. Пушкин // История русской литературы в 4-х тт. Т. II. Л., 1981.
- Макагоненко Г.П. 1974 – Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974.
- Никанор (Бровкович), архиеп. 1996 – Беседа в Неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его // А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996.
- Петрунина Н.Н. 1987 – “Станционный смотритель” // Н.Н. Петрунина. Проза Пушкина (пути эволюции). Л., 1987.
- Поддубная Р. 1980 – Творчество Пушкина Болдинской осени 1830 г. как проблемно-художественный цикл. Сентябрь. Статья первая // Stidia rossica posnaniensia, zesz. XII – 1979. Poznań, 1980.
- Попов Евгений, прот. 1901 – Грехи детей в отношении родителей // прот. Евгений Попов. Общенародные чтения по православно-нравственному богословию. СПб., 1901.
- ПСС – А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. (“Малое академическое”) 2-е изд. М., 1957–1958.

- Разумовская М.В. 1986 – К вопросу о некоторых литературных традициях в “Станционном смотрителе” // Русская литература. 1986. № 3.
- Турбин В.Н. 1978 – Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М., 1978.
- Тюпа В.И. 1983 – Притча о блудном сыне в контексте “Повестей Белкина” как художественного целого // Болдинские чтения. Горький, 1983.
- Фома Аквинский 1999 – Сумма теологии (перевод с латыни) // Покров. Альманах российских католиков. Вып. 2. М., 1999.
- Фридлендер Г.М. 1983 – Поэтический диалог Пушкина с Вяземским // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983.
- Черейский Л.А. 1989 – Пушкин и его окружение. Л., 1989.
- Шарынкин Д.М. 1978 – Пушкин и “Нравоучительные рассказы” Мармонтеля // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978.
- Austin J.L. 1961 – A Plea for Excuses // J.L. Austin. Philosophical Papers. Oxfors, 1961 (2-nd ed. 1970).
- Berger K. 1984 – Formgeschichte des Neuen Testaments. Heidelberg, 1984.
- Hinck 1977 (Hrsg.) – Textsortenlehre – Gattungsgeschichte / W. Hinck (Hrsg.) Heidelberg, 1977.
- Jenni, Westermann 1984 – Theologisches Handwörterbuch zum Alten Testament. Hrgb. von Ernst Jenni unter Mitarbeit von Claus Westermann. Bd. I–II. München; Zürich, 1984.
- König E. 1931 – Hebräisches und aramäisches Wörterbuch zum Alten Testament. Leipzig, 1931.
- Linnemann E. 1975 – Gleichnisse Jesu. Einführung und Auslegung. Göttingen, 1975.
- Peisker C.H. 1993 – Gleichnis // Theologisches Begriffslexikon zum Neuen Testament / Hrsg. von L. Coenen, E. Beyreuter, H. Bietenhard. s.l., 1993.
- Rathmayr R. 1996 – Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln; Weimar; Wien, 1996.
- Vereščagin E.M. 1997 – Wandel traditioneller Rede- und Verhaltenstaktiken von Russen unter Bedingungen des freien Marktes // Dialog und Divergenz. Interkulturelle Studien. Frankfurt/M, 1997.